
**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

СЕРГЕЙ ШКЕНЁВ

**ДЖОННИ
ОКЛАХОМА,
ИЛИ МАГИЯ МАССОВОГО ПОРАЖЕНИЯ**

ООО «Издательство «ЭКСМО»

**ЯУЗА
МОСКВА
2015**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш66

Серия основана в 2010 г.

Разработка серийного оформления
художника *А. Матвеева*

В оформлении переплета использована работа
художника *Е. Деко*

Шкенёв, Сергей Николаевич.

Ш66 Джонни Оклахома, или Магия массового поражения / Сергей Шкенёв. — Москва : Эксмо : Яуза, 2015. — 384 с. — (Новые герои).

ISBN 978-5-699-79748-6

Кто из фантастов не мечтал оказаться в придуманном им самим мире?..

Ивану Смирнову, известному среди друзей под прозвищем Джонни Оклахома, повезло... Если, конечно, оказаться в роли наследника захудалого графства, опутанного долгами, да еще и за несколько мгновений до собственной гибели, можно назвать везением. Из первой передряги новоявленный виконт Джонни кое-как выпутался, но тут же подоспел гномий бунт под странно знакомыми лозунгами: «Людей на ножи! Кто не скачет, тот не гном! Первогном придет — порядок наведет!» Вот уж воистину, не было печали...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-79748-6

© Шкенёв С., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

До банкомата триста шагов и тридцать потраченных на них минут. Три сотни точно отмеренных шагов. Выбросить вперёд костыли... перенести вес, пока непослушные ноги не подломились... подтянуть их... опять выбросить костыли... Привычно и знакомо за последние шесть лет.

Потом в магазин — восемьсот тридцать шагов. Далеко. Огромный и сияющий огнями супермаркет гораздо ближе, но Ивану нравилось ходить именно сюда. Тут человечнее, что ли? Да и толкать тележку, одновременно опираясь на костыли, невозможно.

Три ступеньки до двери — самое трудное. Хозяин магазинчика при каждой встрече божится, что обязательно сделает пандус, но то ли времени не хватает, то ли денег. Сквозь стекло видно, как спешит навстречу продавщица — Иван не самый богатый и не самый постоянный покупатель, но ему всегда помогают подняться. Кто-то просто так, а у этой личное. Бывшая одноклассница, когда-то провожавшая в армию и так и не выскочившая замуж.

— Привет, Джонни! — Голос весёлый, а у самой в уголках глаз блестят слезинки. — Держись за меня.

Угу, держись... девяносто два кило против её пятидесяти.

— И тебе не хворать, солнышко!

Улыбается уже грустно. Ирка в самом деле хорошая, и если бы не чёртова война! Да и сейчас делает намёки. Очень прозрачные намёки.

— Я не солнышко, я просто рыжая.

Как раз тот редкий случай, когда медный цвет волос и чуть смуглая, хорошо поддающаяся загару кожа. Упругая и гладкая кожа. Он знает...

— Лаврентий у себя? — Кое-как перебравшись через порог, Иван плюхнулся на стул у входа. — Позови, пожалуйста, будь добра.

— Здесь, куда он денется? — Ирка потрянула головой. Знает, зараза, как заворачивающе действует на него рыжий водопад. — Опять праздник, Джонни?

На английский, или, скорее, американский, манер Ивана прозвали в школе, а когда разозлившийся парнишка пообещал разделать дразнилок под хохлому, то стал ещё и Хохломой. К десятому классу — Джонни Оклахомой.

Хитрый, умный и очень старый Лаврентий Борисович Кац появился буквально через минуту. Сначала из двери выплыл внушительный живот, потом неизменная сигара... и вот уже весь целиком.

— Ваня, друг! Какими судьбами? Неужели со-
скучился? Не верю!

— Я тоже не верю в твою радость, Борисыч, —
не остался в долгу Иван. — Коньяк есть?

— Коньяк? — Кац задумался, разглядывая ви-
трину с разнокалиберными бутылками, где мож-
но было разглядеть этикетки «Хеннесси», «Ара-
рата», «КВВК» и прочих «Мартелей». — Где же его
взять-то?

— А ты поищи.

Борисыч прищурил грустные от природы гла-
за и расхохотался, показав крепкие прокуренные
зубы. Давно уже, со времён перестройки, талонов
и сухого закона, все знали — у Лаврентия не ку-
пить приличного пойла, но если очень нужно,
то только у него можно это приличное пойло
достать. Чаще всего даром, так как старый еврей
не любил брать деньги за оказываемые хорошим
людям услуги. Вот за то, что разливается в под-
вале неподалёку, — платите сколько угодно.

В принципе и там не отравка, а левак с ночной
смены ликёро-водочного завода, но сегодня осо-
бый случай.

— Найду! — Борисыч выставил указательный
палец пистолетиком. — Но ты мне дашь авто-
граф.

— Откуда знаешь?

— Элементарно, Джонни! Если человек четы-
ре месяца подряд покупает одну бутылку пива в
неделю, а потом вдруг требует хороший коньяк...

— Шерлок Холмс.

— Хоть доктор Ватсон, пофигу. И не сопротивляйся, поляна с меня. К восьми часам вечера ставь чайник, а остальное мы с Ирккой принесём.

— Её-то зачем?

— Надо! — Лаврентий помахал у Ивана перед носом кулаком. — Присушил девку и сваливаешь? У-у-у, Достоевский... Ира!

— Да, Лаврентий Борисович?

— Закрываемся в семь и идём к Ваньке обмы-
вать новую книжку.

— Гонорар, — поправил Иван.

— Тем более. Ира, ты когда-нибудь пила коньяк с настоящим писателем?

— Зимой, а что?

— Да, точно, — нимало не смутился Борисыч. — Тогда уйдёшь прямо сейчас и поможешь этому юному таланту приготовить стол. Сама же знаешь — у творческих людей вместо мозгов клавиатура.

Неприятно шкандыбать на костылях, когда рядом идёт нагруженная тяжёлыми сумками красивая девушка. Чувство собственной беспомощности больно царапает душу и бьёт по самолюбию вплоть до привкуса крови во рту. Нет, это губу невзначай прокусил, сдерживая злость.

Ирка тяжести не замечает, хотя с поклажей напоминает сейчас таджикского гастарбайтера, перебирающегося со стройки на стройку и тащающего в баулах пожитки всей бригады, включая чугунный казан для плова и портрет люби-

мого ишака покойной бабушки в натуральную величину. Борисыч загрузил не жалеючи.

— Слушай, Джонни, а твоя принцесса выйдет замуж за рыцаря Блюментроста? А то уже вторую книгу ругаются, ну прямо как мы с тобой!

Иван и в самом деле писатель. Правда, из скромности он называет себя просто издающимся автором, но девятнадцать томиков на книжной полке возражают против преувеличенной скромности. Скоро их станет двадцать — полученный гонорар является не совсем гонораром, а авансом издательства. Остальное через два месяца после выхода из печати, и вот лишь тогда можно будет говорить о гонораре.

Писать он начал случайно, сначала просто читал, проводя за компьютером дни и ночи. А что ещё делать инвалиду, для которого прогулка по улице считается чуть ли не подвигом? Не водку же пить? Да, увлёкся фантастикой, потом перешёл на фэнтези с магами, драконами и прочими эльфами — душа просила чуда. И однажды понял, что сможет написать много лучше, чем мутный поток сознания и неудовлетворённых желаний пополам с комплексами, заполнивший Интернет и книжные прилавки. Мешало одно но — фантастика требует хоть какого-то образования кроме средней школы, а вот с этим туго.

Выход всегда есть. И заскакали по страницам донельзя благородные рыцари, зашуршали кринолинами и зазвенели бронелифчиками не менее благородные дамы, отправились в полёт ог-

недышащие драконы. Даже эльфы-гомосеки, как того требует недавно появившаяся литературная традиция, тоже имелись. Имелись с гоблинами, орками, гномами, троллями... Современный читатель падок на клубничку, замешенную с розовыми соплями. Да-да, что за книжка без розовых соплей?

На гонорары не разжиреешь, но, выдавая по четыре романа в год, Иван мог себе позволить смотреть на жизнь с некоторым оптимизмом. Во всяком случае, не боялся подохнуть с голодухи на пенсию, которой хватало на коммунальные платежи, оплату Интернета и двухразовое питание три дня в неделю.

Ирка всё не унималась:

— Так они поженятся в третьей книге?

Как маленькая, ей-богу. Нельзя в двадцать пять лет быть настолько наивной, чтоб не понимать главную суть фэнтези — обязательный хеппи-энд с непременно лав стори. Иначе целевая аудитория не воспримет. Кто нынче может написать книгу с гибелью главных героев? Разве что Ивакин да Буркатовский, но от них другого и не ждут. Репутация, однако.

У Ивана её нет. Его конёк — мечи, магия, магические академии и войны с нечистью или со злобными тиранами, стремящимися уничтожить славное и уютное королевство, возглавляемое добрым, умным и очень старым королём, готовым уступить трон положительному главному

герою. Разумеется, в обмен на спасение погибающего государства, но иногда просто авансом.

— Поженятся.

— А мы?

От неожиданности Иван запутался в костылях и полетел лицом вперёд, изо всех сил стараясь извернуться и не протаранить железную урну на краю тротуара. Не получилось извернуться — задел левой бровью. После падения попытался приподняться на ободренных руках и несколько мгновений тупо рассматривал красные капли на асфальте. Не капли даже, целая лужица набралась.

— Вот же...

— Ванька! — Ирка бросила сумки и тут же ухватила за руку пронесившегося мимо парня на роликовых коньках. — Помогай давай!

У того от резкой остановки ноги проехали вперёд, и с воплем, явно не похожим на крик радости, конькобежец хряснулся задницей о бордюр.

— А-а-а!!!

Решив, что двух инвалидов на одном квадратном метре для неё слишком много, рыжая бросилась к своему избраннику и попыталась перевернуть его на спину, чтобы осмотреть повреждения и остановить хлещущую кровь. Не успела — завизжали тормоза, хлопнула дверца машины, и внушительный бас произнёс, характерно растягивая слова и проглатывая половину звуков:

— Не, я не понял, чо! Какая падла тут рамсы попутала?

Иван поднял голову и обомлел — огромный толстомордый тип с обритым налысо черепом непринуждённо перебрасывал из руки в руку кастет, казавшийся в его ладонях детской игрушкой. Взгляд без проблеска интеллекта, тяжёлая челюсть. И новый вопрос, вернее, заявление:

— И чо молчим, жертва?

Провокационное, между прочим, заявление, ну и спровоцировал.

— Кого ты жертвой назвал, гоблин анаболический? — Ирка, не вставая с колен, сняла туфлю и с размаху саданула верзилу. И попала точно туда, куда целилась.

— Ой-ё-ё... — Лысый зажал самое сокровенное, согнувшись в три погибели, и неосмотрительно подставил макушку для добивающего удара. — Ты чо?

В следующий момент его лоб стукнулся в асфальт, а взбесившаяся рыжеволоска схватилась за костыль.

— Всех убьём — вдвоём останемся! Правда, Ванечка?

Ванечка молчал — вёл подсчёт шлепков, отвешиваемых попеременно шкафообразному детине и незадачливому конькобежцу. Да ещё немало печалился о судьбе сделанных на заказ костылей. Клеёные из дуба, самшита и бука, они в своё время обошлись почти в три пенсии.

Потасовка, точнее избивание, прекратилась неожиданно. Знакомый голос с едкими нотками произнёс:

— Мало того что одну сумку оставили, так ещё и драку устроили. А вы что делаете, Володя? Даже если решили срочно поломать лбом все тротуары в городе, то не стоит делать это бесплатно! Хотите, я всего за пять процентов помогу заключить договор с мэрией?

— Ой, Лаврентий Борисович! — Ирка опустила орудие убийства. — Представляете, на нас с Ваней напали!

— Вова, это так? — Появившийся в поле зрения Кац недобро нахмурился. — Володя, я в вас разочаровался.

Детина с трудом отдышался и, размазывая слёзы по красному, как пасхальное яйцо, лицу, начал оправдываться:

— Ты же меня знаешь, Борисыч!

— Знаю, Володенька, знаю. Потому и безмерно скорблю.

— О чём?

— О потере вашего морального облика!

Лысый осторожно, стараясь лишний раз не ворочать шеей, оглядел себя, но видимых снаружи дефектов не обнаружил.

— Не, а чо такова? Я за пацанов с раёна всегда впрягаюсь. Чо, нельзя? Если каждый залётный урод на роликах начнёт наших инвалидов с костылей сшибать... Чо, я не прав, Борисыч?

Ирка судорожно закашлялась и постаралась слиться со стеной. Но здоровяка заботило совсем другое:

— Да вот же он ползёт! Стой, подлюка, щас разбираться будем!

Только конькобежец предпочёл позорное бегство — на четвереньках проскочил перед трезвонящим трамваем, перекатился через проезжую часть, до смерти перепугав водителя гружённого щёбнем «КамАЗа», и скрылся за припаркованными на противоположной стороне машинами.

Кац пригрозил вслед дезертиру дымящейся сигарой и принялся командовать:

- Вова, поднимите писателя с тротуара.
- Настоящего? Как братья Стругацкие?
- Берите выше — как братья Карамазовы!

Детина взял Ивана на руки и фыркнул в ответ на предложенную Иркочкой помощь:

- Ты, дева, сумки подбери. Куда нести гения?

Через час, когда отмытый и залепленный пластырем чуть ли не с ног до головы писатель лечил расстроенные нервы горячим сладким чаем и булочками с изюмом, Ирка решила спросить у колдующего над плитой здоровяка:

- Извините, Володя, вы не из бандитов будете?
- Он гораздо хуже. — Лаврентий Борисович отвлёкся от процесса приготовления настоящей рыбы фиш с кисло-сладким соусом. — Он боксер-тяжеловес с отбитым содержимым черепной коробки. Призёр мирового чемпионата по версии Всегалактической Ассоциации бальных танцев с отягощениями.

- Ой, и такая есть?

— Борисыч шутит. — Вова зачерпнул полную ложку горчицы, отправил её в рот и пренебрежительно поморщился. — Слабая.

— Нормальная, — возразила рыжая, содрогнувшаяся от одного вида этой дегустации. — Лучшая в городе.

— Ты просто не пробовала настоящую, — ответил тяжеловес. — Я однажды в Одессе на Привозе покупал...

— Вот как? — Кац приподнял бровь. — Кто напомнит мне имя того поца, что надел Лёве Минкину на голову ведро с аджикой?

— Почему это сразу поц? — возмутился Вова. — И не ведро там было, а маленькая баночка.

— Лёва говорил за ведро.

— Он бы это отраву ещё цистернами считал. В следующий раз башку отверну.

Иван поставил на краешек стола пустую чашку и осторожно поинтересовался:

— Простите, Владимир, а зачем боксёру кастет?

— Привычка, — смутился Вова. — Но вообще-то он пластмассовый. Опять же с начальством удобно обсуждать финансирование моей лаборатории: приходишь, значит, в кабинет и небрежно так играешься...

— Какое финансирование?

Вместо боксёра ответил Лаврентий Борисович:

— Вова у нас заведует лабораторией в НПО «Лазурит». Кандидат наук, между прочим.